

С.П.Постников

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ УРАЛА (КОНЕЦ 1920-х — 1930-е ГОДЫ)

Социально-культурное развитие городов России, в том числе Уральского региона, в контексте теории модернизации не стало еще предметом специального исследования. Без изучения данной проблемы трудно создать целостную концепцию модернизационных процессов, охватывавших все сферы жизни общества. Советская историография, накопив значительный опыт исследования социально-культурных явлений в период индустриализации, рассматривала их с точки зрения «построения социализма» и не могла в рамках марксистской методологии и формационной теории объяснить сущность тенденций развития городов, качественных изменений их социокультурной сферы. Не составляет исключение и уральская историография 60–80-х гг.¹

Специально проблемам истории градостроительства на Урале посвящен лишь ряд работ В.А.Цибулькиной², в которых обобщен значительный фактический материал, сделана попытка показать развитие жилищного и коммунального хозяйства городов, создание учреждений культуры и социального обеспечения. Но автор, разумеется, еще не могла исследовать историю градостроительства в плане теории модернизации. Кроме того, В.А.Цибулькина рассматривает социокультурную сферу как совокупность социальных институтов, как объект воздействия со стороны партийно-государственных структур. Однако вполне очевидно, что социокультурная сфера — не только объект, но и субъект исторического развития городов.

Новый этап модернизации, связанный с завершением промышленного переворота и началом собственно индустриализации, как структурной перестройки экономики, сопровождался коренными изменениями в функциях городов, их хозяйстве, архитектурном облике и социокультурной сфере. Если в XVIII–XIX вв. города выступали прежде всего в роли административных, торгово-посреднических и культурных центров страны или отдельных регионов, сохраняя многие черты патриархальности и традиционной

культуры, то в XX в. в связи с новым этапом модернизации возрас- тала функция городов как индустриальных центров, начался не только бурный рост численности населения, но изменялась его структура, прежде всего за счет повышения удельного веса наемных рабочих и инженерно-технических работников.

Однако эти процессы в начале XX в. шли сравнительно медлен- но. Накануне революции на Урале в пределах Оренбургской, Пермской, Уфимской губерний было 26 городов и 20 заводских поселков. Городов с населением от 10 до 50 тыс. человек имелось всего 6, от 50 до 100 тыс. — 3. Численность населения ни одного уральского города не превышала 100 тыс. человек. Только в трех городских центрах Урала имелся водопровод; электрическое освеще- ние было лишь в четырех городах — Екатеринбурге, Оренбурге, Перми и Челябинске. Жилищный фонд в основном состоял из де- ревянных домов (удельный вес каменных домов равнялся в Перми 7%, в Уфе — 4%).

Серьезный ущерб экономике и социальной сфере городов на- несли Первая мировая и гражданская война. В первой половине 1920-х гг. качественных изменений в производственной и культур- ной сферах городов Урала почти не ощущалось. Шел процесс вос- становления прежнего экономического и социально-культурного потенциала на старой технико-технологической базе. Тем не менее уже в конце 1920-х гг. численность населения уральских городов превысила аналогичные показатели дореволюционного времени, что объяснялось объективным ходом урбанизации, продолжением модернизационных процессов, охвативших российское общество несколько десятилетий назад. Эти процессы многократно ускоре- лись в период осуществления «сталинской индустриальной рево- люции», пик которой приходится на годы первой и второй пятиле- ток. Особое место в планах индустриализации, как известно, зани- мал Урал. Достаточно сказать, что основные производственные фонды уральской промышленности с 1927/1928 г. по 1936 г. воз- росли в 10,7 раза, валовая продукция — в 7,8 раза³. Экстенсивный характер «сверхиндустриализации» требовал постоянного притока новой рабочей силы, прежде всего в города, где в основном и воз- водились «гиганты социалистической индустрии». В 1930-е гг. на карте Урала появилось 28 новых городов, в том числе Магнито- горск, Березники, Красноуральск и др. Серьезной реконструкции

подверглись областные центры — Свердловск и Челябинск, бывший губернский центр Пермь и др.

Число городов и поселений городского типа в Российской Федерации возросло с 510 в 1926 г. до 1307 в 1939 г., или в 2,6 раза, а население в них — с 16,7 млн до 36,7 млн человек (в 2,2 раза)⁴. А 1,5 раза уменьшилось количество малых городов (с населением менее 10 тыс. человек), зато в 6 раз увеличилось число крупных городов (свыше 100 тыс. жителей).

Население 6 областных и республиканских центров Урала увеличилось с 604414 человек в 1926 г. до 1551189 человек в 1939 г., или в 2,56 раза⁵. Их жилой фонд на 1 января 1940 г. составил 4109,8 тыс. кв. м⁶. Иначе говоря, на одного горожанина приходилось всего 2,65 кв. м жилья.

Темпы роста городского населения на Урале в начале 30-х гг. были выше, чем в среднем по стране. Так, в годы первой пятилетки число жителей городов увеличилось в крае в 2 раза, а их удельный вес составил 40% населения (по стране в целом — соответственно в 1,5 раза и 24%). В 1933–1939 гг. численность городского населения региона возросла на 346 тыс. человек, а его доля в общем населении края до 47,5% (по стране — 32,8%)⁷. В целом число городов на Урале по сравнению с 1917 г. увеличилось с 26 до 54, причем по численности населения стало больше средних и крупных городов. Так, по данным переписи 1939 г., с числом жителей от 10 до 50 тыс. Было уже 32 города, от 50 до 100 тыс. — 6, свыше 100 тыс. человек — 5 городов.

Количественный рост городов, их качественные изменения должны были, по мнению руководства партии и государства, осуществляться в соответствии с общими закономерностями строительства социалистического общества. Поэтому нельзя сказать, что проблемы градостроительства были вне поля зрения ЦК ВКП(б) и Совнаркома. Напротив, эти вопросы в той или иной степени поднимались на всех съездах партии, состоявшихся в 1927–1939 гг., а июньский (1931 г.) пленум ЦК был специально посвящен проблемам возведения новых и реконструкции старых городов в условиях социалистической индустриализации. Более того, в 1920-е — начале 1930-х гг. эти вопросы активно дискутировались на страницах центральной и местной периодической печати, в специальной литературе. Каким быть «новому социалистическому городу», его ар-

хитектурному облику, социально-культурной сфере? — эти далеко не простые вопросы искренне волновали не только архитекторов, строителей, работников партийно-государственных структур, но и широкие круги общественности.

Однако обсуждение этих вопросов было свернуто административным путем к середине 1930-х гг., что, на наш взгляд, объясняется неутешительными результатами в области градостроительства в годы первой пятилетки, а также усилением тоталитарных тенденций в обществе и государстве. Если в конце 1920-х гг. официально провозглашалась идея пропорционального, комплексного развития промышленности и городского хозяйства, то уже в начале 30-х гг. точка зрения на эту проблему резко изменилась. Характерным в этом отношении было выступление наркома тяжелой промышленности Г.К.Орджоникидзе на Всесоюзной конференции работников промышленности в январе 1931 г., где он заявил: «Можем ли мы и хватит ли у нас средств, чтобы сегодня же, одновременно со строительством наших заводов-гигантов, воздвигнуть и гиганты социалистических городов? Отвечаем — не можем. Надо прежде всего как можно быстрее закончить строительство заводов, чтобы через 5–6 лет построить действительно социалистические города»⁸.

Таким образом, убедившись в невозможности синхронного индустриального и социокультурного развития городов, сталинское руководство отдало явное предпочтение первому. Данная политическая установка крайне негативно сказалась на процессе градостроительства не только городов Урала, но и всей страны. В литературе неоднократно отмечались грубые ошибки в проектировании и строительстве целого ряда городов региона — Магнитогорска, Нижнего Тагила, Свердловска и др. Современные исследователи справедливо указывают, что большая часть социальных и особенно экологических проблем уральских городов уходит корнями именно к 1930–1940-м гг.⁹ Действительно, достаточно вспомнить, как возводились «соцгорода» в Нижнем Тагиле, Свердловске, Магнитогорске, Красноуральске. Так, Новотагильский металлургический комбинат и коксохимический завод в Нижнем Тагиле были построены не только вблизи, но и с подветренной стороны жилой зоны. Совсем рядом с рабочим поселком возвели медеплавильный завод с его крайне вредным производством в Красноуральске. Площадки под строительство предприятий, как правило,

отводились раньше, чем утверждались генеральные планы городов. Последние были приняты лишь в середине 30-х гг., когда большинство заводов уже вступили в строй. Это крайне негативно сказалось на развитии социальной инфраструктуры городов. Однако и в последующие периоды приоритет в капитальном строительстве продолжал отдаваться возведению промышленных объектов. Важно также иметь в виду, что градостроительство на всех этапах истории СССР осуществлялось в условиях командной экономики, решения принимались по вертикали и претворялись в жизнь административно-командными методами. Региональные органы госвласти и местного управления формально функционировали, но уровень их компетенции был весьма невысок, они всецело зависели от партийных структур.

И тем не менее процесс модернизации был не только и не столько результатом целенаправленной деятельности сверху, сколько объективной тенденцией, характерной для всех стран, переживающих переход к индустриальному обществу, в том числе и России, где данные закономерности имели как свои особенности, так и общие черты. Несомненно, что к таким общим чертам следует отнести расширение жилищно-коммунального строительства, развитие социокультурной сферы. Однако в советской России в период индустриализации модернизация городов имела особенности, обусловленные как объективными (географические и природно-климатические условия, уровень развития производительных сил и т.п.), так и субъективными причинами (традиции и менталитет населения, характер политического режима, особенности региональной политики и т.д.).

Таким образом, развитие городов Урала шло в целом в рамках общецивилизационной динамики, хотя имело серьезные «отклонения». Действительно, уже в конце 1920-х гг. в крупных городах региона появились водопровод, канализация, электрическое освещение, общественный транспорт). Сравнительно высокими темпами осуществлялось жилищное строительство с элементами современного благоустройства. Развивалась электросвязь (телеграф и телефон). Тем не менее расширение социальной сферы имело свои особенности. Во-первых, модернизационные процессы были замедлены более поздним началом индустриализации по сравнению с большинством европейских стран. Во-вторых, в Европе и США

модернизация и процессы урбанизации общества происходили в условиях рыночной экономики и достаточно эффективной системы местного самоуправления. В советской России они шли в условиях господства командной экономики и при практически полном отсутствии элементов городского самоуправления, которое подменялось партийными структурами, построенными по вертикальному принципу подчинения. Отсюда социально-экономические потери в развитии инфраструктуры городов были здесь в период индустриализации намного ощутимее. В-третьих, бурные темпы «сталинской индустриальной революции» привели не просто к многократному (в 3 раза за 10–15 лет!) росту численности городского населения, но и коренному изменению его социального состава. Так, в Свердловске с 1926 по 1937 г. население увеличилось со 136 до 400 тыс. человек. Четыре пятых прироста составили мигранты из сельской местности Урала и других регионов страны¹⁰. Причем значительную часть «новых горожан» были маргиналами — людьми без определенной профессии и места жительства (до 40% строителей Магнитки и Уралмаша составляли заключенные и спецпереселенцы). Старая городская культура дореволюционного Урала была разрушена, новая еще не сформировалась. Ничего подобного в этом отношении не знала ни одна европейская страна. В-четвертых, несмотря на сравнительно высокие темпы строительства жилья, его качество и в целом жилищное обеспечение горожан находилось на крайне низком уровне. В большинстве уральских городов жилищные условия населения не отвечали санитарным нормам. Так, по плану первой пятилетки предполагалось, что обеспеченность жильем на душу населения возрастет с 5 кв. м в 1928 г. до 6 кв. м в 1933 г. Фактически же произошло ее сокращение до 3,9 кв. м. Расходы на жилищное строительство и коммунальное хозяйство составили в 1928–1932 г. всего лишь 9,7% от общей суммы капиталовложений в народное хозяйство Уральской области. К 1940 г. 9,3% городского населения РФ проживало в бараках. Характерно, что уральские города являлись «лидерами» по этим показателям. По удельному весу бараков в жилом фонде 1-е место в стране занимала Челябинская область (27,7%), 2-е — Бурят-Монгольская АССР (26,2%), 3-е — Свердловская область (22,7%), 4-е — Молотовская (Пермская) (21,6%), 5-е — Башкирия (18,1%)¹¹.

Благоустройство жилищного фонда городов Урала намного уступало среднестатистическим показателям по Российской Федерации. Так, в целом по РФ водопровод имели 53,8% жилых домов (без бараков), канализацию — 47,0%, центральное отопление — 22,1%, электрическое освещение — 93,0%. А в Свердловской области они соответственно равнялись: 25,8%; 21,6%; 16,5%; 93,3%. Еще ниже эти показатели были в Чкаловской (Оренбургской) области, Удмуртии и Башкирии¹². Отчуждение от собственности в сфере жилья имело особенно негативные последствия, которые дают о себе знать вплоть до конца XX в.

Слабо развитой оставалась социальная инфраструктура городов. Так, в целом по стране общественным питанием в 1937 г. было охвачено 25,9% всех рабочих, а в 1940 г. — 35,2%. Удельный вес детей рабочих, посещающих ясли, увеличился за то же время с 8,2% до 12,9%, а охваченных детскими садами — соответственно с 13,3 до 20,8%. Всего лишь 0,2% рабочих отдохнули в 1940 г. в санаториях¹³.

Медленно улучшалась структура питания городского населения. Как и в начале 30-х гг., в 1940 г. в рационе рабочих преобладали хлеб ржаной и пшеничный, картофель, овощи. Зато с 1935 г. начался интенсивный рост употребления спиртных напитков, который возрос к 1940 г. в 2,3 раза¹⁴.

Серьезные трудности и противоречия имели место в области развития культуры городов Урала. Провозглашенная коммунистической партией задача по осуществлению «культурной революции» во многом являлась отражением объективных процессов модернизации: это — ликвидация технической и функциональной неграмотности взрослого населения, охват всеобщим (хотя бы начальным) образованием детей, приобщение горожан к культурным ценностям и т.п. Пожалуй, основным отступлением от общецивилизационных тенденций здесь являлась идеологическая обработка масс через призму «формирования коммунистического сознания».

Одним из основных направлений культурной политики являлось создание материальной базы образования, прежде всего школьного обучения детей. В конце 1920-х гг. менее половины школ имели специально построенные здания. На одного ученика приходилось около 1,5 кв. м полезной школьной площади. Введение всеобщего начального (1930 г.), а затем семилетнего образования потребовало значительного расширения школьной сети. Сравнительно медлен-

но эти задачи решались в начале 30-х гг. В годы второй пятилетки на Урале было построено свыше 600 школ на 181,7 тыс. детей¹⁵. Это позволило к началу 40-х гг. охватить около 90% детей 12–14 лет семилетним обучением. Однако задача ликвидации неграмотности и введения всеобщего в городах Урала решена не была, что свидетельствовало о незавершенности процесса модернизации социокультурной сферы.

Другим направлением преобразования культуры городского населения являлось создание и развитие просветительских и досуговых учреждений. Понятно, что расширение их сети обуславливалось идеологическими установками, они должны были стать центрами «коммунистического воспитания трудящихся». Прежде всего это относилось к клубным учреждениям — домам и дворцам культуры, рабочим клубам и «красным уголкам» на предприятиях. Всего к концу 30-х гг. на Урале было открыто свыше 1000 клубных учреждений, более 200 кинотеатров, в крупных городах появились цирки. Укреплялась материальная база библиотек и музеев. Все это объективно шло в рамках процесса модернизации.

Однако наряду с созидательными в 30-е гг. в социокультурной сфере городов Урала шли и разрушительные процессы, прежде всего в области историко-культурного наследия. По ориентировочным оценкам, в Российской империи до революции насчитывалось 500 тыс. объектов, представлявших культурную ценность. Число церквей, соборов и монастырей составляло 50 тыс., в том числе свыше 3 тыс. находилось на территории Урала. Серьезный ущерб культурному наследию нанесли годы революции и гражданской войны. Форсированные «социалистические преобразования» породили феномен культурного нигилизма. Именно с этого времени процесс разрушения культурного наследия приобрел полномасштабный характер, став, по существу, составной частью государственной политики «культурной революции». Ее последствия были катастрофическими. Три четверти памятников истории и культуры были сняты с государственного учета и охраны. Начался процесс их планомерного разрушения. По некоторым данным, в советское время, прежде всего в 30-е гг., было уничтожено или погибло в результате саморазрушения до 30 тыс. церквей, 2 тыс. усадеб, 50 тыс. зданий ценной исторической застройки. Погибли, утеряны или вывезены за границу сотни тысяч предметов прикладного искусства,

произведений живописи, 20 млн икон¹⁶. На Урале было закрыто 90% церквей, все монастыри. Страна потеряла до 80% своего историко-культурного потенциала. Социальные последствия культурной катастрофы очевидны: разрыв преемственности поколений, духовных связей и традиций, духовная деградация в результате отчуждения от российской культуры. Социальной опорой разрушения культурного наследия являлись люмпенизированные слои населения уральских городов, утратившие традиционные духовные ценности и ориентиры.

Таким образом, модернизация социокультурной сферы городов Урала являлась закономерным процессом, обусловленным завершением перехода к индустриальному обществу. Однако наряду с объективно положительными явлениями в 30-е гг. шли и деструктивные процессы, последствия которых дают о себе знать и в конце XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970; Зуйков В.Н. Создание тяжелой промышленности на Урале (1926–1932 гг.). М., 1971; История народного хозяйства Урала (1917–1945). Ч. 1. Свердловск, 1988; и др.
2. См.: Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989; Цибульникова В.А. Разработка генеральных планов городов Урала в реконструктивный период // Проблемы истории регионального развития. Екатеринбург, 1992.
3. История народного хозяйства Урала (1917–1945). 4.1. С.152–153.
4. РГЭА. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 949. Л. 3, 5.
5. Там же. Л.6–7.
6. Там же. Д.958. Л. 5–9.
7. Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Указ соч. С.6.
8. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. В 2-х т. М. 1957. Т.2. С.273–274.
9. См., например: Волков С.Н. Екатеринбург. Человек и город. Опыт социальной экологии и практической геоурбанистики. Екатеринбург, 1997.
10. См.: Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 141.
11. Там же. Л. 17–18.
12. РГЭА. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 958. Л. 31–38.
13. РГЭА. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1119. Л. 15.
14. Там же. Л. 46.
15. Чуфаров В.Г. Указ соч. С.248.
16. Памятники Отечества. Альманах ВООПИиК. 1991. № 2. С. 152–153.